

АЛЛОФОНЫ И ЗВУКОТИПЫ КАК ОБЪЕКТЫ РАЗНЫХ ВИДОВ ТРАНСКРИПЦИИ

А. В. Андронов

«Наука о звуковой стороне языка» занимается вопросами, относящимися к двум противоположным мирам: психическому (идеальному) и физическому (материальному). Структура научной дисциплины, используемые ею понятия, методы, инструментарий — все должно определяться этим кардинальным противопоставлением. В общем языкознании оно терминологически закреплено разведением понятий языка и речи (системы и реализации). В фонетике это отразилось в щербовском противопоставлении фонемы и оттенка («теоретическая важность различения фонем и их оттенков не подлежит ни малейшему сомнению» [1: 16]) и еще ранее — в противопоставлении психофонетики и антропофоники у Бодуэна [2: 272].

Понимание оттенка у Щербы метко охарактеризовано М. Б. Поповым (в духе мифа о пещере Платона): «термин Щербы оттенок фонемы чрезвычайно удачен: аллофон — это как бы тень, отбрасываемая фонемой как элементом функциональной, непосредственно не наблюдаемой структуры на физическую реальность» [3: 10–11]. Оттенок для Щербы — принадлежность физического мира.

В дальнейшем, после замещения термина «оттенок» термином «аллофон», ситуация затемнилась. Поразительным образом два классика Щербовской фонологической школы в статьях, находящихся рядом в одном сборнике, чуть ли не противоположным образом определяют отношения понятий аллофона и звукотипа, ср.:

- «Фонема выступает в виде аллофона. Аллофон реализуется в фоне, представляющем собой звукотип, т. е. артикуляторно-акустическую единицу» [4: 7]; ср.: «Удобно... отличать понятие аллофона от звука, представляющего его в речи, и терминологически; последний можно назвать фоном или звуком речи» [5: 48].
- «По отношению к аллофонам звукотипы, во-первых, представляют известную абстракцию, а во-вторых, являются „более крупными“ единицами, т. е. аллофоны объединя-

ются в звукотипы» [6: 11]; ср. «все реально произносимые звуки — это оттенки» [7: 36].

Обратим внимание, что формулировка «фон, представляющий собой звукотип» [4: 7], указывает на тождество фона и звукотипа, что противоречит общей мысли автора. По-видимому, должно было быть сказано «фон, представляющий звукотип», то есть относящийся к определенному классу. Подобные недостаточно четкие высказывания встречаются в литературе нередко.

Для Л. Р. Зиндера аллофон — принадлежность идеального мира (области системы; далее — «аллофон-S»), а звукотип — элемент мира материального (конкретная реализация), Л. Л. Буланин же именно реализацию фонемы в материальном мире называет аллофоном (далее — «аллофон-R»). Для отображения такого аллофона-R в транскрипции вынужденно используется некоторое обобщение — звукотип (ведь разнообразие физических реализаций бесконечно и его невозможно передать транскрипционными знаками во всей полноте). Подчеркнем, что звукотипы выделяются «методом квантования произносительных и перцептивных возможностей человека» [4: 7], то есть не связаны с системой конкретного языка. «Аллофон» же предполагает связь с системой фонем, поэтому обозначение этим термином сущностей, объединяемых на основе сходства физических, а не функциональных свойств, не представляется целесообразным. С другой стороны, несмотря на разницу обозначаемых объектов, число аллофонов (в понимании каждого автора) бесконечно: их столько, сколько позиций, а протяженность контекста, составляющего позицию, объективно не определена (ср.: «Мы не будем говорить о трудностях, связанных с определением релевантной протяженности окружения» [8: 42]).

Не надеясь в данной статье примирить указанные точки зрения (и многие другие, оставшиеся не упомянутыми), подчеркнем лишь важность принципиального различия объектов разных миров. Научное описание предполагает классификацию исследуемых сущностей. При трактовке аллофонов как элементов материального мира их (аллофоны-R), как уже сказано, классифицируют по звукотипам. При отнесении аллофонов к области системы (аллофоны-S) их классификация основывается на фонологическом контексте (или позиции относительно других фонологических единиц). В последнем случае аллофон — «нечто

вроде удобной аббревиатуры: мы говорим „аллофон х“ вместо того чтобы сказать „фонема Х в контексте С“» [8: 58]. Такие аллофоны, как пишет М. Б. Попов, «не существуют ни в физической, ни в функциональной реальности» [3: 31], это «не языковая единица, а лингвистическое понятие» [3: 10].

Помимо желательного единства терминологии, важно дифференцировать маркировку соответствующих объектов в транскрипции. Традиционно в ЩФШ закрепилось использование двух видов скобок: косые для фонологической транскрипции и квадратные для транскрипции фонетической. Досадная техническая ошибка повторяется в двух последних изданиях «Общей фонетики» Л. Р. Зиндера: утверждение, что различие фонологической и фонетической транскрипции ввел Л. В. Щерба, вместо указания соответствующих страниц «Фонетики французского языка» [9: 22–23] сопровождается нелепой ссылкой на не имеющую к этому вопросу отношения статью П. С. Кузнецова [10].

Однако, по справедливому указанию Зиндера, область применения фонетической транскрипции двояка: «Фонетической транскрипцией пользуются, во-первых, при записях незнакомого или малознакомого языка (в данном случае записывающий не имеет никакого выбора), во-вторых, когда исследователь задается специальной целью выделить все возможные аллофоны фонем» [5: 291–292].

Со всей очевидностью ясно, что в первом случае символами фонетической транскрипции обозначаются единицы, «не приписанные» к конкретным фонемам (фонемы еще неизвестны), то есть элементы, выделяемые исследователем непосредственно из физической реальности (звукотипы, объединяющие аллофоны-R); во втором же случае знаки транскрипции передают элементы, относящиеся (по Зиндеру) к идеальному миру — аллофоны-S.

Поскольку аллофоны-S являются обозначениями конкретной фонемы в конкретном контексте, данная разновидность фонетической транскрипции («аллофоническая транскрипция») полностью эквивалентна транскрипции фонологической (фонематической): их объединяет система однозначных соответствий, в которой совпадение разных фонем в одном аллофоне-S исключено логически. К сожалению, в те же квадратные скобки заключается и транскрипция, стремящаяся передать аллофоны-R — физические звуки речи.

В этой практике налицо смешение областей реализации (звукотипов) и системы (аллофонов-S), а разграничивать их следовало бы гораздо более категорично, чем различаемые скобками фонемная и аллофоническая транскрипции. В некоторой степени это различие пытался реализовать Л. Р. Зиндер во втором издании своей «Общей фонетики», поясняя в предисловии: „Примеры в фонематической транскрипции заключены в косые скобки — / /; в фонетической транскрипции — в квадратные скобки — [ ]; факкультативные варианты — в фигурные скобки — { }; звукотипы, не соотносимые с фонемами какого-нибудь языка, — в кавычки — « »” [5: 3].

Как видим, он говорил лишь о записи в кавычках отдельных звукотипов, но не связного текста. Особая маркировка транскрипции, передающей звукотипы (звукотипической), крайне желательна, однако вместо обычных кавычек, имеющих слишком многообразное применение, следовало бы использовать что-то особенное — например, одинарные кавычки ‹ › или угловые скобки ‹ ›. Перефразируя слова Щербы [1: 8], можно было бы сказать: «Само собой разумеется, что дело не в скобках, а в понимании, но скобки зачастую являются хорошим „memento“».

Помимо предварительных записей малознакомого языка звукотипической (стремящейся отразить аллофоны-R) является транскрипция, используемая в работах по речевым технологиям, — «транскрипция, которую можно было бы назвать „реальной“, т. е. фиксирующей именно то фонетическое качество звука, которое отмечалось экспериментатором при слуховом анализе» [11: 20]. К сожалению, различая (и даже противопоставляя) «реальную» и «идеальную» транскрипцию по сути, авторы соответствующих работ не дифференцируют их обозначение (в обоих случаях используются квадратные скобки). Это тем более неудобно, что «в действительности существует противоречие между аллофоном (языковой единицей) и его материальной манифестацией» [10: 214].

Адекватная фиксация материальной манифестации является трудоемкой экспериментальной задачей, выполненной сотрудниками кафедры фонетики СПбГУ [12], однако неправомерной представляется попытка выведения фонемного состава речи из звукотипической транскрипции. На основе изучения физических характеристик ударного вокалического сегмента В. И. Куз-

нецов утверждает: «...необходимо признать, что в слове предстоящей, реализованном в связной речи, произошла „мена“ фонем /a/e /, и искать объяснений в фонологии речевой деятельности, отличной от фонологии языка» [10: 216]. Однако имеет ли место столь детальный анализ в естественной речевой деятельности, и стоит ли за констатацией здесь фонемы /e/ какая-то языковая реальность? Помимо биологических ограничений по скорости обработки звукового сигнала у слушающего нет возможности (и необходимости) выделять из речевого потока и отдельно рассматривать подобные сегменты.

Известно, что «...слушающий воспринимает речевое сообщение целиком, и если у него не возникает затруднений в понимании содержания, то и нет сомнений, что единицы нижнего уровня успешно выполнили свою функцию, даже в тех случаях, когда по данным объективного акустического анализа они обладают недостаточной длительностью или вообще физически отсутствуют» [12: 82] (ср. «в условиях связной речи человек не использует фонемное распознавание, а извлекает фонетическую информацию из более крупных единиц» [10: 210]). Конструирование «фонем речевой деятельности», отличных от фонем языковой системы возможно как прием для решения прикладных задач синтеза и анализа речи, но не для суждения об истинном фонемном составе высказывания. Однако и в таком случае не следовало бы их называть фонемами — ввиду принципиальных отличий от «классических» фонем (как в процедуре установления, так и в осознаваемости носителем). Для охвата анализируемого в работах по речевым технологиям материала, возможно, вообще достаточно объединения представленных в физической реализации фонем в звукотипы.

Как известно, фонемная интерпретация звучащей речи без опоры на содержание возможна только для участков полного типа произнесения [13]. Такие участки составляют отнюдь не большинство в естественной коммуникации, но важна не их доля, а способность слушающего опознать реализованную в речи единицу языковой системы, и, отождествив ее с хранящейся в памяти, эксплицировать, при необходимости, ее фонемный состав.

Как термин «аллофон» не вполне уместен для обозначения реализаций, поскольку провоцирует возведение их к фонеме на основе физических свойств, так и применение квадратных скобок

для звукотипической транскрипции чревато ее смешением с аллофонической и подталкивает к ожиданию непосредственных связей с фонематическим устройством высказывания. Хочется надеяться, что разграничение аспектов (как терминологически, так и графически) будет способствовать более глубокому постижению многообразия изучаемого фонетикой материала.

Литература

1. *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Опыт теории фонетических альтернатив // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 265–347. (Оригинал: J. Baudouin de Courtenay. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik. Strassburg, 1895.)
3. *Попов М. Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
4. *Зиндер Л. Р.* Критика понятия «звукотип» // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного: Доклады. Материалы I Международного симпозиума МАПРЯЛ. Москва, УДН, 19–23 октября 1987 г. / отв. ред. И. М. Логинова. М.: Изд-во УДН, 1989. С. 5–9.
5. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
6. *Буланин Л. Л.* Транскрипция и преподавание фонетики // Вопросы фонологии в аспекте русского языка как иностранного: Доклады. Материалы I Международного симпозиума МАПРЯЛ. Москва, УДН, 19–23 октября 1987 г. / отв. ред. И. М. Логинова. М.: Изд-во УДН, 1989. С. 9–12.
7. *Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1970.
8. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983.
9. *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1963.
10. *Кузнецов В. И.* Вокализм связной речи: экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.
11. Фонология речевой деятельности / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 2000.
12. *Скрелин П. А.* Сегментация и транскрипция. СПб., 1999.
13. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.